

Не сумев поцеловать, Август испытал лёгкое разочарование. Он смотрел на бело-розовую щёку красавца, и во рту пересохло, — что ж, недостижимое вечно манит. Хотя инициатива исходила от Рафаэля, в итоге томим и изнывал от желания именно Август. Но он лишь кивнул, соглашаясь, и тут же про себя ехидно добавил: «Посуущественнее? Насколько? Полный комплекс услуг?» Кхм.

Затем Август со всем пылом отправился вместе со своим старым дворецким изобретать нугу.

Мисс Мария наконец получила возможность поговорить с Рафаэлем наедине. Подробности их беседы неизвестны; можно сказать лишь, что речь зашла об Августе.

— Что ты вообще сказал Пуддингу?

— Просто нашёл ему занятие, — ответил Рафаэль. Он полагал, что корень фантазий Августа — в праздности. Как и в случае с Крестовыми походами: многие историки среди прочих причин неизменно упоминают одну — занять рыцарское сословие делом.

Разумеется, у Крестовых походов были и другие, куда более возвышенные причины, но нельзя отрицать, что ещё до их начала Церковь уже выражала крайнее недовольство социальными проблемами, порождёнными бездельем рыцарей.

Когда у рыцарей появилось дело, внутренние противоречия отошли на второй план. То же самое и с Августом.

— Надеюсь, ты помнишь о нашей договорённости! — С этими словами мисс Мария удалилась.

В тот вечер Рафаэль стал самым занятым человеком в Хэмптон-корте, поочерёдно проведя несколько тайных бесед.

И уже следующим утром кое-что случилось.

Как только королева-мать отдохнула и собралась со всеми отправиться в Олений парк, разразилась настоящая семейная война. Искрой послужило любовное письмо, которое Ричард II в своё время написал своей второй жене, Анне Болейн.

Принцесса Анна прибыла в Хэмптон-корт после полудня и учинила грандиозный скандал из-за этого письма, заявив, что оно опозорило её перед подругами.

Но и это было не всё. Ричард II, мастер нагораживать, в конце письма указал дату.

В то время он ещё не развёлся с первой женой; если быть точным, их отношения даже не дали трещину. Хотя весь мир знал, что вторая королева забеременела до брака и вышла за короля, скрепив союз ребёнком. Но до того как письмо всплыло, мисс Мария полагала, что отец изменил матери лишь после многих лет отдельной жизни, после нескольких безуспешных попыток развода.

Королева-мать и без того не жаловала ветреность сына и не питала ни малейшей симпатии к четвёртой королеве. Увидев же, что та устроила такой переполох, она и вовсе рассвирепела.

Ричард II, спровоцировавший этот разгром, вёл себя совсем не по-королевски: метался между невестой, дочерью и матерью, извинялся так, что голова его не поднималась.

Но принцесса Анна продолжала наседать, раз за разом устраивая в Хэмптон-корте настоящие

спектакли.

Ричард II обладал главным пороком всех подлецов: ради забавы он мог на время смириться и угождать, но терпеть вечно — никогда. Особенно когда приходилось угождать ещё и матери с дочерью. Его и без того скудное терпение по отношению к невесте истощилось окончательно; ярость пересилила рассудок. Он устроил ей грандиозный разнос и, воспользовавшись первым же предложением, удалился.

Август в отчаянии воззрелся к небесам. Похоже, его долгожданная охота на оленя не состоится. У короля больше не было настроения дарить оленину в качестве свадебного подарка юной жене.

Чем же провинились олени?

Всхлип.

Кровавая драма, начавшаяся с любовного письма, продолжала разворачиваться.

Август, занятый великим делом усовершенствования нуги, не забывал следить за сплетнями. После множества расспросов, намёков и даже «продажи души» он наконец «с достоинством» вытянул из Рафаэля-деспота всю подноготную произошедшего.

Рафаэль обнимал Августа, прижимался и гладил, не считая, что столь полезные для здоровья и укрепляющие отношения прикосновения можно назвать «продажей души».

Рафаэль: «Ты же не станешь отрицать, что тебе это нравилось?!»

Август: «Когда тебя мнут, как подушку, — где тут, прости, удовольствие?!»

Рафаэль лишь улыбнулся в солнечном луче — и Август капитулировал. Что ж, заниматься бесстыдными вещами с таким красавцем и впрямь было приятно. За две жизни Август не встречал никого, кто бы так воплощал его идеал.

— Давай, папа расскажет тебе сказку, — многозначительно промолвил Рафаэль.

Ладно, у идеала тоже имелись изъяны. По крайней мере, в мечтах Августа его возлюбленный не был таким... таким... Он не мог его выносить, но и одолеть — тоже. *Плач.*

Принцесса Анна явилась скандалить в Хэмптон-корт, потому что на дневном чаепитии жестоко опозорилась. Причина её позора была одновременно и проста, и сложна.

Простая версия: она ошибочно приняла письмо, адресованное второй королеве, за письмо к себе. Принцесса Анна, к несчастью, носила то же имя, что и вторая королева — Анна Болейн. С гордостью показав письмо всем, она тут же услышала, что оно адресовано вовсе не ей. Слово «неловкость» не могло передать атмосферу, воцарившуюся после этого разоблачения. Письмо прислал король, и принцесса Анна, чувствуя себя униженной, естественно, решила свести счёты с ним.

Версия сложная была куда заковыристее.

Невеста Ричарда II, принцесса Анна, происходила из маленького герцогства Клёве, зажатого между Францией и Нидерландами. Принцесса была знаменита как «красавица с картины». Среди портретов четырёх жён Ричарда II изображение принцессы Анны, вне сомнений, было

прекраснейшим. Однако столь ослепительная красота была достигнута не за счёт природных данных, а благодаря волшебной кисти художника.

На современный лад — многослойный фотошоп.

Ричард II, верный своей натуре подлеца, увидев портрет, жаждал жениться, но, встретив оригинал, возжелал расторгнуть помолвку. Он даже прозвал невесту «Клёвским кошмаром».

Но слово о свадьбе уже было дано, знать съехалась в Лондон, да и вся Европа, можно сказать, наблюдала за этим браком... Впрочем, всё это было чепухой. Своенравный Ричард II не из тех королей, что пекутся о чувствах других. Он не посмел разорвать помолвку лишь потому, что Клёве было протестантским герцогством, одним из немногих в Европе, подвластной Святому Престолу, кто, как и Англия, имел строптивую косточку. Как король, ещё не полностью лишённый честолюбия, Ричард II проявил редкую для себя рассудительность.

Принцесса Анна, юная и неискущённая, восприняла нежелание короля прикоснуться к ней как джентльменство и уважение. Она начала всерьёз относиться к этому политическому союзу, словно к настоящему роману.

Но если принцесса Анна была зелёной, это не означало, что другие, более опытные дамы, не видели подоплёки. Особенно те, что мечтали стать королевами. Английская аристократия славилась не только консерватизмом и ядовитостью на язык. Они били точно в больное, о чём красноречиво свидетельствуют произведения мастера язвительности Оскара Уайльда.

Под градом этих пересудов принцесса Анна, ослеплённая любовью, отчаянно нуждалась в чём-то, что доказало бы королевскую любовь.

Так и появилось это письмо с ясным обращением: «Анне».

В письме были, среди прочего, такие строки:

«Когда возлюбленная моя отсутствует, я должен послать ей хоть немного мяса от имени моего — оленины для Ричарда, что есть знак: если обстоятельства позволят, ты непременно поделишь её со мною...

...Более дать не могу ничего, моя дорогая Анна, но желаю нам провести ночь вместе. Твой R.»

Красное мясо, считавшееся в Англии деликатесом, издревле было метафорой несокрушимой любви.

<http://bllate.org/book/15929/1423913>